

Central Asia Monitor

Казахский султан 185 лет назад указал место будущей Акмолы

Страна отпраздновала очередную, 19-ю годовщину рождения новой столицы Казахстана – города Астаны. А значит, самое время вспомнить те исторические фигуры, которые стояли у ее истоков еще в первой трети XIX века.

Султан, сын султана

После вхождения Казахстана в состав России царское правительство, стремившееся укрепить свое влияние в регионе, стало активно привлекать к службе в местной администрации представителей ханско-султанской знати. Было бы ошибкой только в негативных тонах оценивать их деятельность: мол, раз эти люди служили царским властям, то заслуживают лишь порицания. Из их среды вышло немало просвещенных чиновников, офицеров, ученых и деятелей культуры, внесших значительный вклад в сохранение и мирное развитие казахского народа в условиях колониального господства России в крае.

Одним из ярких представителей казахской военно-административной элиты середины XIX в. был старший султан Акмолинского внешнего округа полковник русской армии Коныр-Кулжа Кудаймендин. Родился он в 1797-м в семье потомственного султана Кудайменде, одного из отпрысков знаменитого хана Ер-Есима, известного уложением «Есімханның ескі жолы» («Старые законы хана Есима»), и хана Среднего жуза Самеке (Шах-Мухаммеда). Управлял султан Кудайменде родами алтай и карпык многочисленного племени аргын, пользовался непререкаемым авторитетом и уважением своих подданных. Царские же чиновники характеризовали его как одного «из дерзностнейших киргизских султанов», поскольку он отличался своенравным и горделивым характером, как и все торе-чингизиды своего времени.

С появлением в 1822-м первого в истории казахов после принятия российского подданства законодательного акта – «Устава о сибирских киргизах» – его сын молодой султан Коныр-Кулжа поступил на службу в местный аппарат управления. Он обеспечивал своевременный сбор налогов, возвращение откочевавших волостей и аулов, охрану торговых караванов, сопровождение посольств, чем снискал доверие омских

властей. И когда летом 1830-го в его кочевья по приказу Омского областного начальника полковника Броневского прибыл отряд подполковника Шубина с целью поиска подходящего места для центра нового внешнего округа, именно Коныр-Кулжа Кудаймендин подсказал незнакомому с местной топографией русскому офицеру, где лучше всего его основать. Это междуречье Нуры и Есиля, при урочище Ак-мола, у брода Кара-откель, в самом центре Среднего жуза. Именно в тех местах проходил древний торговый путь из Западной Сибири в Южный Казахстан.

Естественно, что именно Коныр-Кулжа 22 августа 1832-го в присутствии царского военного отряда был единогласно избран старшим султаном Акмолинского окружного приказа, территория которого была тогда гораздо обширнее нынешней Акмолинской области. Заместителем Кудаймендина стал его родной сын Арыстан Коныркулжин, заседателями от рода карпык – би Кабанбай Котырша, от рода алтай – би Бектасулы Матакбай. Население округа насчитывало 34,7 тыс. человек, или свыше 5 тыс. семейств. Домашней живности было: 140 тыс. лошадей, 220 тыс. овец, 16 тыс. верблюдов и 30 тыс. рогатого скота.

На прием к российскому императору

Коныр-Кулжа Кудаймендин преданно служил царским властям, не забывая при этом и о своих интересах. В соответствии со старинными традициями кочевого общества на всех постах в новом округе были расставлены представители обширного клана Кудаймендиных. Например, его брат Бек Кудаймендин стал управителем Тока-Карпыковской волости, дослужился до чина коллежского асессора, затем надворного советника, был награжден двумя царскими золотыми медалями. Другой брат, майор Арслан Кудаймендин, являлся управителем Тыналы-Карпыковской волости, а после отставки самого Коныр-Кулжи занял его место старшего султана округа. Также получил две золотые медали на Аннинской и Владимирской лентах. Позже 12 сыновей Кудаймендина заняли практически все руководящие должности в округе. Так, хорунжие Абылай, Адиль, Бигали, Бури, Джаналы, Чингиз и другие стали волостными управителями и, как и отец, верой и правдой служили белому царю, удостоились его наград и милостей.

Учитывая особые заслуги семейства Кудаймендиных перед правительством, 9 марта 1833-го император Николай I сообщил генерал-губернатору Западной Сибири Вельяминову и начальнику Омской области де Сент-Лорану о согласии на прибытие для высочайшей аудиенции в Санкт-Петербург старшего султана Акмолинского округа Коныр-Кулжа Кудаймендина. Добавив, что «на собственном иждивении» и в сопровождении свиты из четырех человек.

Коныр-Кулжа включил в состав делегации известного бия Сенгирбая Майкутова, волостного управителя Айнабека Джаркынова и своего сына Джаналы Коныр-Кулжина, а также некоего торговца-узбека (его имя история не сохранила) – видимо, для решения финансово-хозяйственных вопросов в пути следования. В столице Кудаймендин намеревался просить царя навечно освободить казахов от рекрутской повинности (т.е. от призыва в армию), причем с выдачей специальной грамоты об этом, от подводной повинности, от прочих налогов, кроме официального ясака, а также других послаблений. Он утверждал, что от казахов «по причине их природной пугливости от всего для них нового требовать невозможно».

Коныр-Кулжа с сопровождающими выехали из Тобольска 6 февраля 1834-го и 9 марта прибыли в Москву, а через несколько дней – в Санкт-Петербург. Это была первая в истории официальная делегация казахского народа в столицу Российской империи. 1 апреля она «имела счастье представляться Его Величеству Государю Императору Николаю I». Султану были пожалованы золотая медаль с алмазами на Андреевской ленте, почетный кафтан за «приверженность и непоколебимую верность Российскому престолу» и 5 тысяч рублей на обратный проезд. Всем членам депутации также были вручены золотые медали и «приличные кафтаны».

В интересах казахского народа

Коныр-Кулжа дважды удостоился личной аудиенции у императора и успешно решил все свои задачи. Ему был выдан специальный лист о том, что «сибирские киргизы были и будут навсегда свободны от рекрутства», с рекомендацией народу заняться прилежнее земледелием и «другою промышленностью» и селиться «по своей доброй воле в селениях и городах». А 28 мая того же года царь утвердил положение Сибирского комитета «О свободе Сибирских киргизов от рекрутства». Ни до, ни после ни один казахский хан или султан не добивался таких льгот для своего народа от царского правительства.

16 августа делегация выехала из столицы, в конце сентября прибыла в Петропавловск, а 7 ноября Кудаймендин вновь приступил к обязанностям старшего султана Акмолинского округа. Эта поездка высоко подняла его авторитет и среди простых казахов, и среди немалой части феодальной аристократии, которая все еще находилась в оппозиции к царскому правительству.

16 мая 1836-го полковник Кудаймендин удостоился очередной монаршей милости – он был возведен в вечное дворянское сословие Российской империи с освобождением от уплаты всех налогов. А в феврале 1837-го ему вручили специальный диплом о причислении к дворянскому достоинству, подписанный самим императором Николаем I.

С мнением Кудаймендина теперь считались в Омском областном правлении и в канцелярии генерал-губернатора Западной Сибири. Например, по его просьбе во все внешние округа (Аягузский, Баян-Аульский, Каркаралинский, Кокчетавский, Уч-Булакский и другие) были разосланы литографические копии царской грамоты об освобождении казахов от призыва в армию, чтобы они могли «удостовериться точнее, свободны ли они от рекрутства».

Весной 1837-го казахи Акмолинского округа были на два года освобождены от сбора ясака – вследствие их грабежа кокандцами и огромного падежа скота в суровую зиму, когда пало 1 млн. 390 тыс. голов. В этом была большая заслуга старшего султана Кудаймендина, который обратился с ходатайством в Сибирский комитет. Его просьбу поддержал сам император Николай I.

Первым из султанов Среднего жуза Коныр-Кулжа Кудаймендин 5 февраля 1840-го получил воинское звание полковника. Старший султан Аманкарагайского, Кокчетавского и Кушмурунского округов Чингиз Валиханов (отец Чокана Валиханова) удостоился этого звания лишь в декабре 1853-го, хотя возглавлял три окружных приказа и тоже верно служил русскому престолу.

Коныр-Кулжа Кудаймендин занимал пост старшего султана Акмолинского округа три срока подряд – с 1832-го по 1842-й. В 1842-м был освобожден от должности, но в августе 1845-го его снова избрали, и он исполнял эти обязанности до своей окончательной отставки в апреле 1849-го. В знак признания заслуг полковника Кудаймендина собрание биев округа при поддержке властей отвело ему в вечное владение горы Бугулы по реке Нура с пространством в округности около 50 верст.

Отношения с ханом Кенесары

Особая страница биографии Коныр-Кулжи Кудаймендина – его взаимоотношения с не менее родовитым и знаменитым султаном-чингизидом Кенесары Касымовым, потомком хана Абылая. Оба соперничали за власть в Среднем жузе и не уступали друг другу в силе, уме и мужестве, обладали громадным авторитетом среди подвластного народа. Кудаймендин при этом не только ссылался на свое ханское происхождение, но и опирался на могущество Российской империи. А Кенесары Касымов еще в 1841-м представители трех жузов избрали законным ханом всех казахов, и он опирался на мощь восставшего народа.

Они были выразителями двух противоположных политических тенденций своего бурного времени. Кудаймендин был сторонником реальной политики и выступал за интеграцию казахов в состав России с целью обеспечения народу мирной жизни и устойчивого развития под сенью короны могучей империи. Кенесары же отстаивал право своего клана султанов-чингизидов и народа на возрождение былого Казахского ханства под эгидой потомков Абылая, порой даже соглашаясь на

протекторат России. Но героические времена хана Абылая давно миновали, и восстановить былое казахское государство было не под силу даже такому выдающемуся государственному и военному деятелю, как Кенесары. К тому же это не входило в планы правительства России. Известна подпись Николая I на бумаге о сохранении Внутренней Букеевской орды за потомками хана Жангира Букеева: «В одном царстве не может быть другого царства».

Судя по некоторым архивным документам, Кудаймендин симпатизировал Касымову и якобы даже оказывал тому тайную помощь, пропуская его отряды через свои кочевья, скрывая сведения о передвижениях кенесаринцев, снабжая лошадьми, провиантом и т.п. Об этом свидетельствуют донесения командиров карательных отрядов в Омск и Акмолинск. Причем Кудаймендин, видимо, настолько умело заметал следы, что властям трудно было доказать его вину и привлечь к ответственности.

На протяжении почти 15 лет Коныр-Кулжа Кудаймендин возглавлял самый крупный и ведущий округ в Казахской степи, показав себя опытным управленцем. В этой связи интересны его характеристики, данные на разных волостных управителей, биев и почетных старшин округа: «пронырливый и разбитной», «скромен, но зловреден», «суров, но справедлив», «остроумен и говорлив», «болтлив и глуповат», «сварлив и зловреден», «пустослов и своенравен», «кроток, порядочен и беден», «несправедлив и склонен к воровству» и т.д. К слову сказать, эти характеристики применимы и ко многим нынешним акимам, депутатам и т.д.

Себя же в тех же рапортах начальству султан характеризовал не иначе как «остроумен и скромен...». Он заботился о своем имидже в глазах власти и простодушного народа. Как старший султан огромного Акмолинского округа Кудаймендин был обязан думать об интересах рядовых кочевников. Но при этом он не забывал и своих близких, руководствовался в том числе личной выгодой. В общем, человеческие слабости ему тоже были присущи.

Год смерти Коныр-Кулжи Кудаймендина неизвестен. Он оставил многочисленное потомство – 12 сыновей и пять дочерей, «прижитых

в законном супружестве». В конце XIX века его потомки султаны Абулгази, Алимхан, Есай, Тока Коныр-Кулжины со своими туленгутами проживали в Шерубай-Нуринской волости Акмолинского уезда и были людьми весьма среднего достатка.

Вместо заключения

Таков в общих чертах политический портрет одного из видных деятелей казахского народа, живших в переломном XIX веке. Долгое время имя Коныр-Кулжи Кудаймендина пребывало в забвении, ученые не обращались к его биографии, а в художественной литературе его описывали крайне однобоко и негативно, в отличие от Кенесары Касымова.

Между тем он был сложной и противоречивой фигурой, в какой-то мере даже трагической, и нам не следует ни осуждать его, ни забывать. Кудаймендина можно поставить в один ряд с такими историческими личностями, как хан Жангир Букеев, генерал от кавалерии Губайдулла Жангиров, полковники Чингиз Валиханов, Муса Чорманов и другие. У каждого из них есть свое место в нашей истории, и относиться к ним нужно беспристрастно и объективно.

В заключение еще раз подчеркну, что в основании Акмолинского укрепления участвовали и русские офицеры – полковник Броневский и подполковник Шубин. Но именно Коныр-Кулжа Кудаймендин 185 лет назад, летом 1832-го, выбрал это место как наиболее удобное и выгодное в географическом отношении, в самом центре Казахской степи, а теперь еще и всей Евразии.

Поэтому хотелось бы высказать пожелание, чтобы в преддверии 20-летия нашей столицы, которое будет отмечаться в следующем году, имя первооткрывателя Акмолинска султана Коныр-Кулжи Кудаймендина было увековечено на карте Акмолинской области и города Астаны. Нужно помнить о тех, кто стоял у истоков основания Акмолы. Ну а «конфетку» из нее сделал уже наш президент Н.А.Назарбаев.

Как написал один известный поэт, «и скажут, честь воздав сполна, дивясь ушедшей были: какие были времена, какие люди были...».

Мурат АБДИРОВ, доктор исторических наук, профессор
Университета международного бизнеса